

Остаток пути они прошли молча.

Дом Сюн Цзиньчжоу стоял на окраине деревни: чем ближе они подходили, тем реже становились соседние дворы. Наблюдая за тем, как Даван и Эрцай носятся друг за другом, Нин Гуйчжу вдруг поймал себя на мысли, что такая тишина и спокойствие ему по-настоящему по душе.

Он повернул голову - Сюн Цзиньчжоу по-прежнему шел без выражения на лице; заметив взгляд Нин Гуйчжу, он слегка наклонил голову и посмотрел на него с лёгким недоумением. Нин Гуйчжу покачал головой, давая понять, что всё в порядке, хотя уголки его губ едва заметно приподнялись. Пока что семья Сюн казалась ему очень хорошей, а сам Сюн Цзиньчжоу... вовсе не таким пугающим, каким его описывали слухи. Мысль о том, что, возможно, остаться здесь - неплохой выбор, возникла у Нин Гуйчжу снова, но на этот раз уже с куда большей уверенностью.

—

Утром, едва проснувшись, он сразу столкнулся с Сюн Цзиньчжоу, затем занялся готовкой, так что времени как следует осмотреть дом у него не было. Теперь, вернувшись и не имея срочных дел, Нин Гуйчжу прошёлся по дому.

Дом оказался не маленьким. Если смотреть со двора прямо, то справа налево располагались наполовину открытый дровяник, кухня, центральная зала и спальня. В задней стене залы была дверь, ведущая во внутренний двор; рядом с ней находилась скрытая дверца, соединяющая залу с кухней. Точно так же залу и спальню соединяла внутренняя дверь. Такое устройство позволяло, закрыв все выходящие наружу двери и окна, свободно перемещаться между всеми жилыми помещениями.

Пройдя через залу вглубь, он увидел, что уборная устроена у края двора со стороны спальни. Нин Гуйчжу открыл дверь, заглянул внутрь и мысленно хмыкнул - знакомый старый нужник. Надо будет как-нибудь переделать, при такой планировке запах слишком сильный.

Подумав об этом, Нин Гуйчжу закрыл дверь и, глядя на просторный задний двор, невольно представил себе такой же широкий передний двор с другой стороны дома.

Обойдя всё и в общих чертах разобравшись с планировкой, он вернулся во фронтальный двор. Сюн Цзиньчжоу нигде не было видно, и Нин Гуйчжу с недоумением огляделся; в этот момент он заметил, как две собаки выскочили из кухни, гоняясь друг за другом, и направился туда.

— Что ты делаешь? — спросил он, входя в кухню, и тут же уловил горьковатый запах.

Он как раз недоумевал, откуда он, как Сюн Цзиньчжоу поднял голову и сказал:

— Твоё лекарство от простуды.

Нин Гуйчжу на мгновение растерялся.

Сюн Цзиньчжоу снова опустил взгляд на котёл с отваром и, словно повторяя материнские наставления, добавил:

— Лекарь сказал пить три дня подряд.

Тело Нин Гуйчжу и правда ещё не оправилось. Утром он был так болен, что едва мог пошевелиться, и с чего бы ему полностью выздороветь после одного сна? Просто он больше не чихал и не кашлял и внешне выглядел получше. К тому же колени у него по-прежнему болели.

В древности наказание стоянием на коленях было самым настоящим - колени упирались прямо в землю, а время считали по полным стражам; если бы тот молодой господин, которому служил прежний хозяин тела, не пошёл замолвить словечко, вполне возможно, что колени у него так бы и остались искалеченными.

Нин Гуйчжу, заметив, что всё внимание Сюн Цзиньчжоу сосредоточено на отваре, немного подумал и пошёл принести скамью, поставил её рядом и сел возле него. Тело Сюн Цзиньчжоу на мгновение напряглось; но, увидев, что Нин Гуйчжу просто сидит рядом и не двигается, он постепенно расслабился, а взгляд его невольно остановился на белых, длинных пальцах.

Красивые.

Сам Нин Гуйчжу этого взгляда не заметил. Посидев немного, он снова не усидел на месте, поднялся и начал оглядывать кухню, перебирая глазами полки и углы. Под вопросительным взглядом Сюн Цзиньчжоу он спросил:

— Вся мебель и инструменты в доме - это всё, что есть?

Сюн Цзиньчжоу кивнул:

— А что?

Нин Гуйчжу снова сел рядом:

— Думаю, что ещё нужно будет докупить.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу поднялся и широкими шагами вышел из кухни. Нин Гуйчжу с недоумением высунулся, увидел, как тот зашёл в спальню, озадаченно почесал затылок и снова убрался обратно, усевшись у очага.

Прошло совсем немного времени, и Сюн Цзиньчжоу вернулся с тяжёлым тканевым мешочком.

Он поставил его на стол, развязал - и перед глазами блеснули серебряные слитки.

— Это деньги в доме. Покупай всё, что нужно.

Нин Гуйчжу: «...»

Так он всё-таки вышел замуж за зажиточного человека?

В древних серебряных слитках Нин Гуйчжу разбирался плохо, но серебро считали на вес. Он взял один, прикинул в руке - выходило примерно лян пять. В мешочке лежало девять слитков примерно одинакового размера, один заметно меньший и три связки медных монет.

Сюн Цзиньчжоу сел рядом с ним и сказал:

— Дом строили на деньги отца и старшего брата, на мебель я тоже потратил много. Я сам трачу немало и почти ничего не скопил. Но дальше все деньги будут у тебя: по одному ляну в месяц на хозяйство должно хватить. Если окажется мало, я придумаю, как заработать ещё.

Нин Гуйчжу:

— ...Хватит.

Сегодня Лю Цюхун и Ван Чуньхуа, говоря о том, что в доме предстоит докупить кое-какие вещи, вскользь упомянули и примерные цены на случай, если Нин Гуйчжу пойдёт за покупками и не будет ориентироваться в стоимости, чтобы его не обманули. Поэтому он прекрасно понимал, насколько велика покупательная способность серебра.

Подумав, Нин Гуйчжу взял один слиток в пять лян, затем отложил слиток в один лян и три связки медных монет, сказав:

— Остальное убери. Завтра я сначала съезжу в уезд, посмотрю, что и как.

— Угу, — откликнулся Сюн Цзиньчжоу.

Он, впрочем, не стал сразу убирать деньги, а сел рядом с Нин Гуйчжу. Лекарственный отвар в глиняном котле уже покипел как следует, а вода на очаге тоже нагрелась.

Нин Гуйчжу пил лекарство из чашки, которую ему сунул Сюн Цзиньчжоу, и видел, как тот достал таз, налил туда кипятка, затем подмешал холодной воды, поочерёдно подливая и пробуя температуру рукой. Брови его были слегка сведены, выражение лица сосредоточенное и серьёзное.

?

Нин Гуйчжу поставил пустую чашку из-под лекарства и уже собирался что-то спросить, как Сюн Цзиньчжоу поставил таз прямо перед ним и глухо сказал:

— Ноги попарь.

Нин Гуйчжу:

— ...

Странно.

Очень странное ощущение, когда о тебе так заботятся.

Нин Гуйчжу поджал губы, снял обувь и носки и опустил ноги в воду. Он совершенно не заметил, что в тот момент, когда он разувался, сидевший рядом Сюн Цзиньчжоу машинально отвёл взгляд.

В деревне люди жили бедно, у большинства не было ни хорошей одежды, ни приличной обуви, поэтому в вопросах приличий здесь не придерживались столь строгих правил, как в богатых домах. Однако отсутствие множества правил вовсе не означало отсутствия понятий о приличиях. Для Сюн Цзиньчжоу это был первый раз, когда он видел, как гер снимает при нём обувь и носки, да ещё так близко. И к тому же... его ноги были такими белыми.

Вымыв ноги, Нин Гуйчжу по привычке поставил ступни на край таза, собираясь просто дать им обсохнуть.

— Вот, вытри, — в поле зрения появилась не слишком большое полотенце.

Нин Гуйчжу моргнул, принял его, улыбнулся Сюн Цзиньчжоу и сказал:

— Спасибо.

— Угу.

Сюн Цзиньчжоу опустил взгляд, украдкой наблюдая сбоку; убедившись, что Нин Гуйчжу закончил вытирать ноги, он наклонился, поднял таз и вышел.

Нин Гуйчжу проводил его взглядом и слегка наклонил голову, недоумевая. Почему-то создавалось ощущение, будто тот спасается бегством.

Странно. Не понятно.

Нин Гуйчжу вытер ноги насухо, натянул носки, обул матерчатые туфли и, взяв полотенце, вышел, чтобы сполоснуть его. У самой двери кухни он столкнулся с Сюн Цзиньчжоу, который как раз нёс таз для мытья ног. Вспомнив, что тот ещё не мылся, Нин Гуйчжу остановился и, отступив в сторону, пропустил его внутрь.

Ситуация поменялась местами.

Нин Гуйчжу вовсе не собирался смущаться или отворачиваться. Он сел на табурет, подперев щёку рукой, и стал смотреть, как Сюн Цзиньчжоу моет ноги; веки его постепенно опускались, а сонливость после лекарства накатывала особенно сильно.

Сюн Цзиньчжоу заметил его состояние, быстро вымыл ноги, кое-как вытер их, бросил носки в таз, поднялся и сказал:

— Ты иди ложись, я сейчас приду.

— А, хорошо, — отозвался Нин Гуйчжу и, уже собираясь идти в спальню, заметил на столе серебро, развернулся, обнял слитки и сказал: — Я деньги в комнате оставлю!

— Угу, — пробормотал Сюн Цзиньчжоу, склонившись над тазом и отстирывая носки.

Носки он носил всего один день, так что грязными они не были; он быстро их отстирал, сменил воду на холодную, сполоснул полотенце для ног, затем ещё раз прополоскал носки и повесил всё на верёвку для сушки во дворе.

Во дворе носились Даван и Эрцай; они пробежали мимо, а Сюн Цзиньчжоу глубоко вдохнул, присел, одной рукой прижал каждого, как следует потер им головы, и лишь после этого направился к спальне.

Вчера, после свадебного поклона, Нин Гуйчжу сразу же уснул. Тогда Сюн Цзиньчжоу решил, что тот просто вымотался, и лёг рядом, не раздеваясь; он проспал до времени выхода на службу и, только поднявшись, заметил, что лицо лежащего рядом человека пылает жаром, а дыхание тяжёлое - явные признаки болезни. До выхода на службу оставалось совсем немного, ждать он не стал: быстро сказал родителям пару слов и ушёл в уездную управу.

Лишь сейчас ощущение того, что он действительно женился, наконец обрело реальность. Сюн Цзиньчжоу глубоко вдохнул, стараясь унять волнение, и вошёл в спальню.

В комнате Нин Гуйчжу уже приводил в порядок постель. Увидев его, он сказал:

— Слушай, деньги ты убери. И ещё... есть ли у тебя другой кошелёк? Мне завтра в уезд идти, так с серебром в руках неудобно.

Услышав эти естественные, как само собой разумеющееся, слова, Сюн Цзиньчжоу заметно расслабился.

— Завтра я пойду с тобой покупать вещи.

— А? — Нин Гуйчжу удивлённо повернул голову. — А на службу ты не пойдёшь?

— Можно взять выходной.

Нин Гуйчжу моргнул, подумал и сказал:

— Тогда ладно. Вынь ещё один слиток серебра.

Раньше он взял немного именно потому, что опасался: если накупит много, сам не дотащит. А раз Сюн Цзиньчжоу пойдёт вместе с ним, тот как раз сможет помочь нести покупки. С этими мыслями Нин Гуйчжу прикинул, что ещё нужно будет купить. Закончив застилать постель, он снял верхнюю одежду, забрался на кровать и укутался в одеяло.

Сюн Цзиньчжоу перебирал пальцами серебряные слитки. Увидев, что Нин Гуйчжу уже лёг и смотрит на него, оставив снаружи лишь пару красивых глаз, он больше не медлил: встал, взял мешочек с серебром и спрятал его в тайник под полом у правой стороны кровати, накрыл каменной плиткой, затем поднялся, положил оставшиеся деньги у изголовья и, следом сняв верхнюю одежду, лёг рядом.

Нин Гуйчжу давно клонило в сон. Увидев, что тот лёг, он зевнул и сказал:

— Спокойной ночи.

— ...Спокойной ночи.

—

Утро в конце весны всё ещё было прохладным. Нин Гуйчжу выдохнул облачко тёплого пара и, глядя на содержимое шкафа, прикидывал, что бы приготовить на завтрак.

В дверях появился Сюн Цзиньчжоу и сказал:

— Давай поедим прямо в городе.

Нин Гуйчжу обернулся; увидев, что мужчина не собирается забирать свои слова назад, снова закрыл дверцу шкафа.

— Тогда заодно купим всё нужное для дома, потом будет удобнее, — сказал он.

— Угу.

От деревни Сяохэ до уезда было примерно полсичэня пути (1 час). Шаг у Сюн Цзиньчжоу был быстрый, в обычные дни он доходил туда примерно за время одной палочки благовоний (30 минут). Сегодня он шёл вместе с Нин Гуйчжу, поэтому и решил выйти пораньше: если по дороге попадётся ослиная повозка, можно будет сэкономить силы и доехать. Эти мысли крутились у него в голове, но вслух он ничего не сказал, просто нёс бамбуковую корзину и молча шёл рядом, время от времени поглядывая на Нин Гуйчжу, опасаясь, что тому тяжело идти.

Сам Нин Гуйчжу, спеша в дорогу, вовсе не замечал этих взглядов. Хотя это тело выглядело нежным и хрупким, по сути оно много лет служило у людей, так что силы в нём хватало. К тому же он хорошо выспался, и влияние простуды заметно ослабло. Нин Гуйчжу с детства привык к тяготам, поэтому путь для него вовсе не был проблемой; кроме лёгкой боли в коленях, пострадавших от долгого наказания, он чувствовал себя даже довольно бодро.

Мимо, покачиваясь, проехала ослиная повозка, и, заметив их двоих, возница окликнул:

— Эй, молодой фулан, не хочешь на повозке проехать?

Нин Гуйчжу на мгновение растерялся и лишь когда заметил, что Сюн Цзиньчжоу остановился, понял, что этим «фуланом» окликнули именно его. Он с любопытством посмотрел в ту сторону: на ослиной повозке сидело человека четыре-пять, а перед ними стояли большие плетёные корзины - похоже, ехали в уезд торговать.

Возница изначально просто хотел зазвать пассажира, но, заметив, что Сюн Цзиньчжоу тоже обернулся, поперхнулся. Он сам был из деревни Сяохэ и знал, что слухи о Сюн Цзиньчжоу во многом преувеличены, но всё же для таких, как он, начальник стражи из уезда - пусть и мелкий, но всё-таки чиновник. К тому же репутация у Сюн Цзиньчжоу была слишком грозная: если тот будет идти рядом, кто знает, удастся ли потом ещё хоть кого-нибудь посадить в повозку.

Пока он колебался, тот самый красивый, незнакомый фулан уже спросил:

— А сколько у вас до уезда?

Возница потёр пальцы и, не решившись юлить при Сюн Цзиньчжоу, честно ответил:

— Два медяка.

Два медных вэня. Нин Гуйчжу в уме сопоставил цену с теми расценками, о которых накануне слышал от Лю Цюхун и Ван Чуньхуа, покачал головой и сказал:

— Спасибо, я не поеду, вы езжайте.

С этими словами он потянул Сюн Цзиньчжоу на пару шагов в сторону.

Возница, услышав ответ, с облегчением выдохнул, но всё же не удержался и ещё раз взглянул на Нин Гуйчжу, после чего щёлкнул кнутом и поехал дальше.

Сюн Цзиньчжоу опустил взгляд на руку, за которую его только что тянули, затем поднял глаза на Нин Гуйчжу и, поймав его взгляд с лёгкой задержкой, негромко сказал:

— Это недорого, можно не экономить.

— Я знаю, что недорого, — Нин Гуйчжу вернулся на середину дороги и, улыбнувшись, посмотрел на Сюн Цзиньчжоу. — Но я просто больше хочу идти пешком, разве нельзя?

Голос у него был прохладный и чистый, и от него у Сюн Цзиньчжоу вдруг вспыхнули уши.

<http://bllate.org/book/14958/1326142>